

ната сучкова

лирический герой

Москва
«Воймега»
2010

УДК 821.161.1-1 Сучкова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С91

Н. Сучкова
С91 Лирический герой. — М.: Воймега, 2010. — 56 с.
(серия «приближение»)

ISBN 5-7640-0099-8

Автор благодарит Алексея Коровина
за помощь в издании этой книги.

© Н. Сучкова, 2010.
© С. Труханов, оформление, 2010.
© «Воймега», 2010.

• • •

Спать на земле под тёплыми
каменных тигров лапами,
небо зонтами вогнуто,
капает с неба, капает.
Шёл-проходил нечаянный
мимо походкой пьяною,
лёт, а над ним качается
небо, насквозь дырявое.
И, онемев от ужаса,
в небо, водою полное,
выдохнул. И обрушилось
на золотую голову.

• • •

припадая на одно колено
понимая жизнь как боль слева
папа карло тупое полено
я ещё девственник у меня плева
как бельмо на солёном глазу
в этом городе дремучем древнем
всё равно что в пропащем лесу
как проступит с изнанки клевер
как отделим слёзы от плевел
(головой окунувшись в север
ни за что голове не уснуть!)
я приду поглазеть как тебя несут
у меня в обеих ладонях зуд
у меня по ладоням буквы ползут
чтобы было чего посеять

• • •

девочки из процедурной,
белые мои, крахмальные,
ржавые ватки, дурно мне,
ваши перчатки пахнут пальмами,
потому что я бендер,
потому что я беден,
потому что я сегодня обедал
только горячим в вену,
потому что из тех, у кого я был первым,
вырастали отменные стервы,
потому что внутри меня вены и стены,
которые не пробить,
потому что я ничего не делал,
кроме как раздавал и тратил,
потому что всё, за что меня стоит любить,
уместилось на этом листе тетради.

• • •

Откуда взялась Марина?
Из пены без слёз? Пластилина?
Из жёлтого мандарина
косточки плюнутой выросла?
И нет и да.
Ерунда.

Марина была всегда.
Сидит на ковре и ногами босыми
рисует круги по воде,
по мягкому ворсу,
рисует знаки вопроса
острыми коготками по белой твоей спине,
в красный её раскрашивая.

Откуда взялась Наташа?
Из славного бурга Ростова?
Из Льва Толстого?
Из белого льна простого?
Из золотого руна?
На опеле стареньком въехала
в шагреновой кожанке включенной
с шенгеном просроченным,
целует тебя в многоточия,
гуляет тебя в воскресения.

Откуда возникла Ксения?
Из шерсти какой связалась?

Из облака из осеннего,
из физкультуры в бассейне,
из каждодневной рассеянной
привычки что-то отсеивать,
умения плавать брассом и
так широко разбрасываться,
как улыбаться.

• • •

Мелкий берег, осока, коряги,
на остывшей завода трубе
он три главных своих накарябал:
Севастополь – морфлот – ДМБ.
Вдоль забора скользнул и – порядок,
закурил, привалился плечом,
наклонился за мятою флягой,
запечатанной сургучом.
В этой рому уж точно не булькать!
Потряси, посмотри на просвет:
упадёт леденцовая пулька –
мандаринное монпансье.
Среди крошек табачных, опилок –
только палкой, похоже, достать –
старой лоции липкий обрывок,
слишком бледной, чтоб прочесть.
От каких же морей средиземных
до забытого Богом пруда –
чей-то шёпот, мольба о спасенье?
Чья-то шутка, насмешка, игра?
Верно, тут ничего не поделатъ –
сколько носит матроса земля,
всё скрипят на груди его белой
нарисованные якоря.

• • •

Стоят, сполна всего помыкав
среди затоновской шпаны,
у бара «Золотая рыбка»,
торжественные, как волхвы,
чернее угря Вася-Череп,
белее моли Ваня-Хан,
стоят в рождественский сочельник,
фанфурик делят пополам.
И мимо них – куда им деться?
не раствориться никуда –
везут на саночках младенца,
и загорается звезда.

• • •

Время, отмеряемое дорогим ролексом,
дороже ли времени,
идущего, допустим, по лесу,
которое ничем не меряют?
Несколько сотен – каждый щелчок пружинки,
каждый поворот шестерёнки,
каждый оборот стрелки.

Ты был непутёвым ребёнком –
пятнадцать минут большой переменки
в стальном корпусе электроники
тебе ничего не стоили, не стоили ни копейки!
Ватрушка с повидлом, кофе с сопливой пенкой,
прохладная форма, клеённая эмблемка.

А мальчик, живущий с женщиной, ставшей тебе чужой,
каждую новую букву пробует по одной:

*вижу собаку в окно.
с мамой ходил на УФО.
уху было тепло.
песочные были часы.
пишу тебе я твой сын.
песок должен вытечь весь.
знаешь такую вещь?*

Песок должен лечь на дно.
Дороже или равно?

• • •

вот идёт человек — голова на плечах,
из тех, что в детстве хотят на врача,
и такая чепуха лезет в голову.
мелко-мелко, как капли в бейсболку стучат,
догоняет на острых своих каблучках,
а потом — голова оторвана.

он плывёт на облаке, как в дыму,
на руках голова с пятакoм во рту,
под ногами — антенны, шпиди,
он с тревогой думает: я умру,
и опять какую-то чушь, муру,
почему её не пришили?

почему-то сказку о колобке,
я творён на крови и молоке,
в ординаторской включен телик,
васильки на выцветшем лежаке,
дремлет доктор, и руки его в муке,
а не то, что в детстве хотели.

• • •

Катят, и катят, и катят
по воде мороженой, засахаренному льду.
(Гипотенуза и катет,
кроличья шапка на лбу,
Гипотенуза и катет,
а между ними – пунктир,
В ранце тяжёлом тетради,
яблоко и транспортир,
В клетку тетради, в полоску –
много чего в них пиши.)
Катят твои двухполозки,
точно карандаши,
Катят по белой бумаге
северной тихой реки...

а потом ты живешь во праже
или как собака на сене
или на другой воде
например на эльбе
читай на лабе
иногда и вовсе везде
раз в году приезжаешь к маме
тыща вёрст на её могилу
и идёшь к реке через силу
и идёшь по льду как по льду

а потом и вовсе ко дну

(сапрпель)

Возле озера Неро, под илом,
под сосновой смолёной корой,
спят любимые мои могилы,
укрываясь водой с головой.
И, заросшая тинной и лескою,
чешуёй набивая рот,
над тягучей водою пресною
моя старая лодка плывёт.
И болит у лодки уключина,
и скрипит, как больное колено,
парусиновой белой брючиной
задевая озеро Неро.

• • •

Он приносит дымарь,
поднимает меня,
говорит мне: ударь,
говорит мне: поболь,
и течёт на ладонь
золотая струя,
обжигает мне руку пчелиный огонь.

Он приносит дымарь
и не может поднять,
можно не понимать:
ты чего это, дед?
и текут по щеке
и его, и моя,
собирая пыльцу в золотой бороде.

А когда вы придёте его хоронять –
да вот так: хоронять, а не так: хоронить! –
будут белые пчёлы над садом летать,
будут белые бани под небом дымить.

И сейчас мне вдруг подумалось, что на самом
деле то лето было последним, когда пчёлы
были золотыми.

• • •

это очень тонкая красная линия
оцарапанные колени и
невозможность просто назвать по имени
земляничное моё варение

разливается-льёт радиола дедова
ты выходишь щенка своего проведать
а потом тебя позовут обедать и
и меня позовут обедать

укоризненно глянут на жаркий вид
по карманам велят похлопать
но в карманах моих и в карманах твоих
только семечки от укропа

• • •

Большеротым птенцом, садоводом прожжённым,
Я глотаю шмеля, как мохнатый крыжовник,
И на вкус не могу узнать.
И стою рядом с мамой, шмелём поражённый,
Но гудит во мне шмель, он – живой, не прожёван,
И в ладони мои, как крыжовник тяжёлый,
Опускается благодать.

• • •

След самолёта – ребристый,
как по доске стиральной,
вниз облака стекают,
пенится всё вокруг.
Как тут остановиться?
Мир, точно фартук, засален,
и баба Галя стирает –
белую пену смывает
с красных варёных рук.

В тазиках у колонки
треники и сорочки,
льётся вода проточная
в разнокалиберный сброд,
старенькая болонка –
хочешь ты тут, не хочешь,
мыть тебя, Рекс, не потчевать! –
ждёт обречёно очередь,
нервно свой хвост жуёт.

Льёт баба Галя синьку,
вот уже тёмно-сине
небо схватилось цепко,
сохнет висит на жаре,
гладит – ворсинка к ворсинке,
чтобы подольше носилось,
чтобы держалось крепко
на голубых прищепках
в пахнущем мылом дворе.

Дачник мой август – тетрадь на столе,
В ней по линейчкам ходят трамваи.
Я к твоим буквам язык прижимаю,
А за щекою поёт карамель.
Тут, за щекою, поёт, говорю,
Дырочкой хрупкой, стеклянной, глубокой,
Яблочным розовым треснувшим боком,
Как здесь вместиться ещё букварю?!
Но на минуту всего повзростеть –
В сладкой слюне карамелька растает,
Дачник мой август тетрадь пролистает,
Встанут трамваи, и нечему петь.

• • •

*Стоит октябрь, и небо многолико,
А крикнешь в небо, и не слышно крика,
Лишь облышко, как пёрышко, парит
Над девочкой с медовым сердоликом,
Во рту её язык, как земляника,
Такой же сладкий, что ни говорит...*

Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок,
Застенчивый, веснушчатый и рыжий,
А я по улице, неонем запалённой,
Бегу мимо него, его не вижу!
По улице Гагарина с продлёнок
На улицу Гончарную, где праздник,
Стоит октябрь, стоит, как дошколёнок,
А я бегу, бегу, как второклассник!
И с высоты своих, ну, пусть сто двадцать,
И с высоты своих, ну, скажем, девять
Я начинаю дошколёнку улыбаться
Всем тем презрением, которым я умею,
Всем тем умением, которым так гордятся,
Читать, кривляться, перелистывать тетрадь
И звёздочкой октябрьской – октябрятской,
Такой холодной, если целовать.
Стоит октябрь, и улицы обломок
Мелькнёт в пруду, и завидно признать,
Что это я – всего лишь октябрёнок –
Здесь пробегу, а он останется стоять.

• • •

Есть города, которые меняют имена,
Проходят разные над ними временами времена:
Сегодня он прозрачен, завтра – в дымке,
Отечества казбеками прокурен,
Изменчивый, как на переливной картинке,
Вы вряд ли, впрочем, помните такую.
Нет-нет, не анимация, 3D
И розового дыму напустили,
А как, допустим, крутишь диафильмы –
И буквы на помятой простыне.
Или выводит медленно рука
Индиру Ганди и Джавахарлала Неру,
И видишь мелко надпись *Кишенеу*
На кожаной обложке дневника.
Или посмотришь мельком в небеса,
Качнёшься и замрёшь от изумленья,
~~И видишь, как растёт стихотворенье,~~
И самолёт летит – поверь, так надо, –
Из города летит из Ленинграда,
И солнце бьёт, и пыль слепит глаза,
А он летит себе, летит всё выше,
~~Протянешь руку и сорвёшь четверостишие –~~
~~Стихотворенья нежного росток,~~
~~Ещё зелёного совсем стихотворенья.~~
И чушь напишешь в школьном сочинении
И сдашь её учителю на стол.
И ждёшь-пождёшь заслуженный свой кол.

.....

Я думаю, сейчас они сидят
Небесное винишко попивают,
И в города забытые играют,
И стюардессой импортной дымят.
И проплывают мутные от слёз
Каракули из тоненькой тетради
Над дядею, живущем в Ленинграде,
И папкою, уехавшем в Свердловск.

Девочки идут на лыжах,
мальчики – в военкомат,
белый дым летит пожиже,
серый – гуще во сто крат.
Серый топится соляжкой,
как в потёмках, в том дыму
кочегары в кочегарках
крутят серую махру.
Белый топится дровами –
невесомый, точно вата, –
над девчонок головами,
и над станцией юннатов,
и над флигелем больничным,
точно снег, его крошат,
выбирает симпатичных,
забирается под шарф.
На крылечке две медички
быстро курят, кривят рты,
разгоняя рукавичкой
серый дым и белый дым.

• • •

она выдыхает слова и лишается жала
смотреть наглядеться никак о увы ненаглядно
она выдыхает слова так наглядно
что жалко
вдыхать если рядом
они повисают в картинках из комиксов
словно
то облако есть а не слово
они невесомы
их сложно пустить на прокорм
они как поп-корн
она выдыхает слова
выдыхается чахнет
и то что на **о** или **а**
абрикосами пахнет
и жарко
и котится по небу мир
она выдыхает слова
и я подношу зажигалку
она как факир

она выдыхает слова
но они превращаются в дым

• • •

самая клёвая барби в мире
(есть ли кто в этом мире краше?)
на советском росла кефире,
пригоревшей рисовой каше,
приходила с бабушкой на каток
каждый божий после шести,
и теперь в голове её жан кокто
и другие ещё стихи.
потому что кто её разберёт,
за намокшую ниточку кто потянет?
потому что рот у неё не рот,
а дыра с обугленными краями.
сколько вам, сидящим в этой дыре,
ожидать заказанных здесь напитков?
опускает долу, возносит горе,
на живую шита белую нитку.
невесомый пух на неё летит —
рассыпаются тополя,
только невозможно прижать к груди
и сказать про неё: моя.

• • •

давно понятно: ей всё параллельно,
она раздевает тебя по пояс,
она снимает маленькой «лейкой»,
которая стоит, как этот поезд.
когда к утру отпечатки просохнут,
неважно, кто платит за эту прихоть,
её не волнует, на сколько «сокол»
закрыт для смертных на вход и выход.
она, ей-богу, любому врежет,
кто сдвинет свет или сменит позу,
но если есть ещё в мире нежность,
то в этот час полуночный поздний,
то в этот миг предрассветный ранний,
когда между вами лишь хрупкие линзы,
она объектив об неё поранит,
она подойдёт к тебе слишком близко.
и даже воздух не шевелится,
застынет свет в золочённой раме...
...а раньше ей нравились только птицы
на самой глубокой, как вдох, диафрагме.

• • •

*скажи ещё раз земляника
Гердруда Стайн*

потерявшись в диковинных этих краях
(взвизгнет дверь как собака прищемленно
а над домом скрипят и скрипят тополя
каждой трещиной и расщелиной)
ты одна в этой северной дикой глуши
ты одна загораешь топлес
и в траве рядом с майкой твоею лежит
биография элис би токлас
где твой старофранцузский июльский пейзаж?
я никак к запятым не привыкну
поднимаешь глаза и кладёшь карандаш
говоришь мне: скажи земляника

• • •

Городишко захолустный: винстон лайт да телик,
Убредёшь к часовне разве, подгоняем ветром,
Подойдёт к ограде робко, тихо спросит время —
Никогда здесь не бывало никого с мольбертом!

Широко расставив ноги, смотрит-ротозеет,
Имя спросишь — не ответит, кажется, с приветом,
В синих штопаных рейтузах, в кофте бумазейной,
С оглушительно шуршащим на ветру пакетом.

Городишко захолустный — росчерк карандашный,
Капнешь масло на подрамник, и сугробы — тают.
Улыбнётся, снова спросишь, тётка крикнет: «Машка!»
Городок провинциальный — все друг друга знают.

На пакете у Маруси золотое «Gussi»,
А в пакете банка с красным краснодарским чили,
Что она ни скажет дома — ни за что не пустят,
Есть ли кто ещё в ответе, чтобы приручили?

• • •

Спит твой Дубровский – стекло запотело,
Душно топили, а в щели сквозит,
Точно пустое безногое тело,
За балдахином шинелька висит.
Спит твой Дубровский – щека на перине,
Некому чаю с вареньем спросить,
На неуместном таком балдахине
Мечутся тени – зачем же он спит?
Ходики тренькают, дверка комода
Скрипнет, колыхнется наш балдахин,
Девка дебелая, точно колода,
Шепчет и шепчет гундосо за ним.
Где тут чего-нибудь вспомнить, проснувшись?
Полог качнётся, просядет кровать,
Машенька, Машенька, только веснушки
Не позволяй никому целовать!

• • •

Путь к реке такой скользкий, что ты осторожно ступаешь,
Подминая траву неуклюже: соцветья, колосья,
Слово кажется польским, но, кажется, ты понимаешь –
Это первое слово, которое ветер приносит.

В погремушке сухой перезревшие зёрна зашиты,
Перед тем как скатиться, на миг замерев на откосе,
Ты сломаешь стручок и рассыплешь горошек мышиный
На глухие и звонкие, что тебе ветер приносит.

• • •

Вот звенящие пчёлы, лоскут домотканого сада,
Проплывает арба – на ухабах скрипит колесо,
Тетя Галя – Гульнара стоит над своим виноградом,
И немного качается стрелочка синих весов.
В полудневной жаре ни гостей, ни дымков папиросных,
Загустели минуты и ходиков стрелки слепляют –
Не бегут, а текут, точно в мёде увязшие осы,
Через край трёхлитровых бидонов с отбитой эмалью.
Мерно капает день из витого вспотевшего крана,
И выходит собака вздремнуть на золотое крыльцо,
И мальчишка, застывший над томиком О. Мандельштама,
Улыбнётся и в книгу, как в воду, опустит лицо...

• • •

*Точно воду, воздух пробуя: неслышно, настороженно,
Точно воду, воздух пробуя, страшится всколыхнуть,
Опускает ноги белые на облако творожное
И по белому творожному начинает путь.
Помнишь виллу Монфлери, камушки в бассейне
Или тот – глаза закрой – подмосковный пруд?
А теперь вокруг тебя берега кисельные
И под ними в синеве голоса плывут.
Голоса плывут внизу – смазанные дальние –
Голоса, как паруса, на семи ветрах,
И несёт она в руках лёгкие сандалии,
И пружинит в облаках каждый лёгкий шаг.*

На этом месте в книгу заложена бумажка –
Обычная бумажка, истёртая до дыр,
На этом месте в книге уже немного страшно,
И гречневая каша на вилле Бельведер.

На этом месте жизни ещё надолго хватит –
Двадцатая страница, но Ян уже болел,
На этом месте парус качается, как платье,
Как шёлковое платье вокруг твоих колен.

На этом месте мир, как окна, занавешен,
На этом месте дом бамбуком обнесён,
А снится, что нашла большую сыроежку
В Малаховке, в бору, и мокнешь под дождём.

И ищет целый двор великую пропажу –
Заблудшую тебя в нахмуренном лесу,
И ясно, что найдут, и страшно, что накажут,
Но сладко, что разбудят не раньше, чем спасут.

Девятое, мистраль, больной солёный ветер,
Затихли голоса ушедших в синема,
Наверх несут письмо в коричневом конверте,
Потом звонок. Потом – зима, зима, зима...

(гимназический)

*Я на дне, я печальный обломок...
Иннокентий Анненский*

1.

На постоялом дворе постыло.
Боже, храни бродягу!
Слёзы холодные, как чернила,
капают на бумагу.
Северным ветром, страхом пронизан
твой выпускной экзамен,
мрачно орут постояльцы снизу
пьяными голосами.
В стены палят, и идёт наживы
громкий делёж под брагу,
буквы железным пера нажимом
мокрую рвут бумагу.
Скоро утихнет северный дальний
ветер, заткнутся снизу,
ходят, как в детстве в папиной спальне,
голуби по карнизу.
Пусть разлетятся тонкие строчки
в птичий горох торопливый,
раз не осталось в России почты,
кроме как голубиной!
Здесь я совру тебе, что живы, живы
все, кто вокруг и рядом,
с карточки этой старорежимной
в рамочке деревянной.
Ляг с головой под бушлат кургузый,
слушай – вода дождевая
бьётся в окно, как воскресная музыка, –
тёплая и живая.

2.

Здесь говорят: мерси, позвольте,
и половых лоснятся локти,
а дамы бледны, как рассвет,
здесь сладко музыка играет,
сюда мальчишек не пускают,
но есть один – хозяин-барин,
ему и тут отказа нет.

Он щиплет пузо контрабаса,
он гимназист шестого класса,
но он играет лучше всех!
Прекрасен цвет его ботинок,
ему любое не противно
в порнографических картинках
и летних пряталках в овсе.

Ему, понятно, здесь не место,
играет бешено оркестра
какой-то бешеный мотив!
Он смотрит в лица и – не видит,
его никто здесь не обидит,
пусть даже господин смотритель
изволит в зал сейчас войти.

Пусть нынче вечером наказан,
не только ледяною фразой –
щека как маков цвет горит.
Закрыта дверь отцовской спальни,
сокрыты ноты в готовальню,
но переулками, задами –
сюда, где музыка не спит.

3.

Лёд непрозрачен и заплакан
на гимназическом пруду,
как будто бы молочный сахар,
совсем не тающий во рту,

там Аполлон с рукой отбитой,
и небо в нём отражено,
но ничего теперь не видно
через замёрзшее окно.

Тем, кто пришёл сегодня рано,
как никогда не повезло —
ещё не зажигали лампы
и в классах пусто и темно,

пурга такая, что рассвета
придётся до обеда ждать,
но можно дырочку до света
на полкопейки продышать.

4.

День декабрьский до кости продрог —
до хребта солёного, упрямого,
и трещит молоденький ледок,
будто бы дощечка деревянная,

будто бы перильца и мостки
с лета не разобранной купальни,
посмотри, к воде по ним скользит
гимназист какой-то. Натурально,

на перила прыгает верхом –
на орехи будет от родителя! –
и башлык повязан узелком
на фуражку с выломанной литерой.

Смотрит птицы медленной полёт,
догрызёт конвертик сладкий вафельный,
тронет лёд, и трещина пойдёт
по стеклу на старой фотографии.

• • •

Море, которое помнит, как было огнём.
Чёрное море, к которому долго плывём
В шатком купе, как на белом большом корабле,
По российской земле и по малороссийской земле.

И проплывают деревни – глухие, немые,
И проплывают товарные и узловые –
Снежные, тёмные и нежилые на вид,
И понимаешь: оно всё сильнее горит.

Жарко горит – развеивается пепел по ветру,
Мальчик украдкой потрогает за эполеты
Благоговейно твой китель, не стоит при нём...
Море, которое помнит, как было огнём.

А выходя на перрон, ты преклонишь колени,
Поезд попятится задом по однопутной,
И, прикоснувшись к земле, обжигает ладонь,
Не понимая, где иней на рельсах, где соль...

• • •

В городе Богом данном, у самого синего Чёрного,
Как на диване продавленном, скрючившись на песке,
Павел лежит и курит, слова из себя вычёркивая,
И полоса на шее его начинает краснеть.
Дальше, но плёнка кончилась, скрипнут по снегу валенки,
Скрипнет, чуть наклоняясь влево, перо гусиное,
Павел лежит и думает великое государево,
И газировки хочется – радостной апельсиновой.
Да, газировки бы здорово – в пену, как в море, броситься!
Хрипло гудят динамики и ударяют в медь,
И прибывает скорый Санкт-Петербург – Феодосия,
И полоса на шее, не надо туда смотреть.

• • •

*Как бы такую штуку на берегу проделать:
верное слово галькой выложить на песке.
Доктор идёт в купальню, доктор проснулся в девять,
и преломляют солнце стёкла его пенсне.*

И пусть последним станет слово: будем!
Я это море, точно книгу, перечла,
меня, как прежде, умиляют люди,
которые купаются в очках.
Которые прикладывают ухо
послушать хрип в его больной груди
и смотрят так печально-близоруко,
что непременно нужно их спасти.
И вдоль волны за ними вплавь бросаться,
ловить очки: держи, держи, уносит!
И трогать след, который вот остался,
как маленький рубец, на переносье.

Печорин выходит на леса опушку,
садится на «Е» из поваленных брёвен,
и слышит, как в чаще кукует кукушка,
и тёплые листья украдкой целует.
Листаем картинки: Печорин – в Париже,
Печорин – в Тамани, лист вырван-украден,
Печорин уходит сквозь заросли ижиц,
а мы по спине его маленькой гладим.
И я спотыкаюсь на гласных нечётких
и чувствую: голос, как ветер, замёрз,
и видно, как в мазанке дремлет Печорин,
пока мой директор летит в Пятигорск.
И я заслоняюсь от сильного ветра,
и в каждую строчку вливается река,
когда отпускает такси мой директор,
и слышно, как в небе дрожат облака,
и взгляд его мутен, и лоб его чёрен,
и между страниц утонула рука,
и смотрит слегка побледневший Печорин
на белую-белую тень Машука...

• • •

На Остоженке пахнет ладаном,
позолотой осенней сусальной,
шаурмой, хурмой, ханом Батыем
и неистребимо – Рязанью,
словно шарик к рюкзачку привязали,
суетой, беготнёю вокзальной,
тем, что мы безнадёжно устали
с поездами, следами, слезами.
На Остоженке пахнет Боженькой,
облаками в прожилках творожными,
тем, что непоправимо и прожито,
на Остоженке пахнет прошлыми,
на Остоженке пахнет Ожеговым
и афишным путеводителем,
воробьями, дождями, крошками,
номерами дробными, литерными,
на Остоженке пахнет кошками,
молоко по ладони стекает,
на Остоженке пахнет брошенным
и не пахнет стогами.

• • •

1. Сестрица Алёнушка:

бестолковый мой братец — шевроле лачетти, золотой вихор —
по каким гастролям ты нынче и сыт и пьян?
помнишь косы мои — всегда на прямой пробор?
помнишь дом-колодец, школьный двор, бурьян?

непослушный мой братец, о, как я тебя ждала:
никаких продлёнок, а за руку и — домой,
пацанов, которые пьют всегда из горла,
за пять вёрст обходили мы с тобой стороной.

а теперь на дне своих оркестровых ям
чьих хрустальных тувель ты ищешь, скажи, следы?
что за страсть такая в тебе к золотым кудрям,
что на жажду эту не напастись воды?

оттого ты всякую гадость и тащишь в рот,
оттого и льёт из тебя этот чёртов свет,
оттого и дудка твоя так прекрасно поёт,
ой, прости, кларнет.

2. Братец Иванушка:

Разве я сторож, скажи мне, моей сестре?
Да где угодно – мотается по стране!
Дива, модель, красота в золотой облатке,
Видишь лицо её вон на той шоколадке?

Пальцы мои всё ещё сладки.

Да, у меня по карманам игральные кости,
Да, невозможно нам вместе и плохо врозь нам,
Да, путешествую я налегке:
С марихуаной в спичечном коробке.

С дудочкой на языке.

Этот концертный кофр кое-где прожжён.
Каждый, любой, всё равно – мне теперь дирижёр,
Каждый, любой из меня извлекает стон,
А во втором коробке – майский жук погребён.

И да простится ей он.

(похищение Евы)

Твёрдое, точно орех,
слово на чужом языке.
Стены в афишах — куда приклеишь?
Страшно услышать, что ты стареешь,
точно покрываешься чёрствой коркой,
польские журналы, актер, акторка,
это очевидно вот на этом повторе
и на этом поклоне.
Спит седовласая твоя Варшава,
руки твои, как и раньше, шершавы,
кто выпьет сладкой твоей отравы
из хрустального башмачка?
Где-то на заднем куранты бьют,
это, говорю, настоящий брют,
огненное абрау,
остальное ты по губам прочла,
как положено: слева направо.

В чём-то он прав, твой второй режиссёр:
тебе стоит коротко стричься,
у тебя подбородок так сладко остёр,
грех прятать такое личико.
Да и не спрячешь горящих глаз —
таких не бывает синих!
И не обнять тебя прямо сейчас
стоит немалых усилий.

На поле дураков
один посреди ветров,

разве может он в такой час работать?
Ты когда-то здесь обронила злотый,
самый первый раз посмотрев столицу,
и теперь тебе воздают сторицей:
золотой, умноженный во сто крат.
Слава Богу, мы нашли банкомат!

Где же тут есть эта касса билетова?
Первоянварское, зимово-летово,
следующий только минут через сорок.
Пани, поспешны! да, скорый, скорый!
Разве тебя просто так упросишь?
Да и мой польский, о Боже, my Polish!
Поезд, летящий в Гданьск,
только украсть, украсть!

Я смотрю в монитор, вижу вены на шее,
ты ползёшь по земле, блиндажи, траншеи,
одинокий солдат войска польска...
Я шепчу тебе: девочка, бойся!
Дотянись до воронки, спрячься за эту ветку,
вытряхни воду из игрушечного пистолета,
говорила, поедем в Гданьск этим летом,
помни, прошу, об этом!
Не забывай, как куранты бьют,
поцелуй торопливый, обмен валют.
— Хочешь попробовать, это — брют?
Через пару мгновений тебя убьют.

Ты встаёшь с земли,
гимнастёрка пропахла потом,
ничего, смотри:
это всего лишь работа,
выдыхаешь размазанным ртом:
чуть попозже, потом, потом.

К гимнастёрке ситцевой
голубой берет,
солдатня присвистывает
тебе вслед,
солдатня притопывает
и гогочет громко,
по каким притонам он
набирал массовку?!

Всё нормально, они
все ребята хорошие:
понаелись земли,
а работа грошева.
Дубль за дублем
падают и кричат,
где добудем мы
вам других солдат?

Спотыкаясь, валясь, заплетаясь,
в проводах, что ползут, извиваясь,
я на взводе уже, взрываюсь:
мы закончим хотя бы к утру?
Они воду льют в кобуру,
это просто кино про войну,
на чужом ничего не пойму
и от боли почти задыхаюсь,
костюмер скачет, прыткий, как заяц,
кто-то сзади приносит лёд,
это крохотный эпизод,
мы, похоже, успеем к утру,
но пока у тебя к курку
должен просто примёрзнуть палец.

То ли дождь идёт, то ли дым
по рукам плывёт по твоим,

по запястьям, родинкам на плече,
по словам *ja Kocham Cie**.

Здесь набросали ломанных стульев,
от софитов жара, точно мы в июле,
драматические коряги, жестяное ведро,
у меня, как пить, сломано ребро.
Сколько в бутафорских бродить лесах?
Всполохи ракет у тебя в глазах,
у тебя прививка на плече видна,
и никак в глазах не достать до дна,
до чего ж холодная там вода!
Из которого ты сделана ребра?

У меня с твоим именем не библейские ассоциации:
какой-то придурок, орущий его по расии,
двоюродная литовская тетка,
целующая меня в губы,
немецкое порно, ускоренная перемотка,
и дрожь, наполняющая трубы,
звенящая в проводах,
солёный дымок в приоткрытую форточку,
вода огуречная на рукавах,
и мальчик сидит у дороги на корточках,
и слышно, как яблоки зреют в садах.

Снято, ребята, снято!
Точно бумажка смята,
брошена в снежную слякоть.
Где мне теперь её спрятать?
Долго ли колесить
в тонком, как плащ, такси?
Варшава Гданьска, приятель!
Всё, на сегодня хватит!

---

* Я люблю тебя (польск.).

Она вытирает руки,
она трёт больное колено.
— Быстрее, мы её простудим!
И я похищаю Еву.

(c o d a)

Пообещай мне Еву
за эти дрожащие строчки,
за шёпот этот неверный,
предательский этот почерк.
На — каблучками острыми —
страницах изрешечённых,
просолены её простыни,
и губы её перчёны.
Короткое платье — хруст его,
прожилки на бёдрах узких,
советские её бусики
и ломанный её русский.
И голос её простужен,
— а рифмы опять неточны, —
очков прикусила дужку
и смотрит на эти строчки,
читает — и рот грустней, —
как будто билет обратный,
и слава Богу, что ей
одно только имя понятно.

• • •

Эй, принцесса! Здесь такие пыльные дороги,
здесь такие частые дожди,
здесь такие пацаны сидят на заброшенных остановках –
одному Богу известно,
что в следующий раз полетит тебе вслед –
пустая бутылка или булыжник, крепкий, как кокосовый орех.
Я не знаю, какие сравнения доступнее донесут до тебя

мою мысль:

ты будешь глупо выглядеть здесь в своём кабриолете,
не хочу хвастать, но здесь можно проехать только на автомобиле
с такой высокой подвеской, как у меня.

Эй, принцесса! Здесь такие пыльные дороги,
здесь такие частые дожди,
здесь такие пацаны сидят на заброшенных остановках –
ни один чёрт не знает, что в следующий момент
взбредёт им в голову –
провожать тебя или догонять,
потому здесь не очень уместны твои картонные сабо.
Когда нужно долго ходить, когда нужно быстро бежать,
тебе стоит надеть мои старые caterpillar'ы,
знаешь, их подошвы делают из той же резины,
что и гусеницы самоходок.

Эй, принцесса! Здесь такие пыльные дороги,
здесь такие частые дожди,
здесь такие пацаны сидят на заброшенных остановках –
не хочу даже считать, сколько лет им нужно работать
на такой телефон –
проще отсидеть, по крайней мере – наверняка быстрее.

Потому просто оставь в машине
свой 16-гиговый в белом корпусе iPhone,
здесь нет ни одного оператора связи и никогда
не слышали про Wi-Fi,
зато у меня есть старая армейская рация и отличный
дизельный генератор.

Тебе быстро приедятся эти пыльные дороги,
тебя страшно изведут эти бесконечные дожди,
тебе и сейчас не нравятся эти быдловатые пацаны
на заросших борщевиком остановках,
тучи комаров и невидимой глазу мошкары,
дым от горящих торфяников,
вечный привкус консервной банки от речной воды.

Но я обещаю тебе, принцесса:
когда ты в первый раз увидишь,
как синий лес покрывается сиреневой дымкой
от цветущей ольхи,
ты уже не захочешь никуда возвращаться.

• • •

Кабы ветер северный детку не продул,
Кабы дурь из девочки никуда не вышла,
Я её отправлю в город Истанбул
С первым подвернувшимся воришкой.

Сядет моя девочка – ножки по-турецки,
Глянет – очи чёрные, брови как смола,
Ковырнёт птифуру с греческой орешкой
Золочённой вилочкой, тонкой, что зурна.

Ой, блестит у деточки изумруд на ушке,
Ой, щекочет деточку южный ветерок,
Чёрной-чёрной полночью в номерочке душном
Поцелует девочку честный фраерок.

Что не спится фраеру, что неймётся фраеру?
Что поможет дарлингу, что остудит кровь?
В кружевных подвязочках холодящий браунинг,
Безотказный браунинг, быстрый, как любовь.

В Царе-граде-городе да с моей подружкой,
Сладкой моей девочкой он идёт на дело,
В первом классе номере, как платок надушенном,
Косточки вишнёвые на манишке белой.

• • •

поезд как пояс: удавочка узка,
oh, mister postman, give me a letter!
я уезжаю донашивать лето
в белый берёзовый лес трафаретный.
полка вторая, на море качка,
старая зечка — за ухом жвачка —
смотрит, смеётся: язык — наждачка,
могу испачкать,
могу прикусить!
что ты там мажешь чёрным по белу?
вот у меня-то другое дело:
Бог — не судья, я — не проситель,
глянь, на руках-то цветёт, как ситец,
не выбелить, не скосить:
сама писала — самой носить!

• • •

Я пишу тебе, Герда, на серой треске,
Как ладошка старушечья, высохшей,
Там, где фьорды и ветры и кончились все
Голубые бумажки по тысяче,
Уколов безымянный тупым плавником,
Ледяными, как небо, чернилами,
На чужом языке и чужим языком,
Как ангиной, обложенным глиною,
Из пурги, из цинги, обмороженных щёк,
Пятизвёздных отелей и выше
Я пишу, точно зная, что буду прощён
Или просто тобою услышан,
Я пишу тебе, Герда, на рыбьем хвосте,
Имя новое в строчку втыкая,
Заклиная, моля не успеть и успеть,
Ледяной твой, любимый твой. Каин.

Содержание

«Спать на земле под тёплыми...»	3
«припадая на одно колено...»	4
«девочки из процедурной...»	5
«Откуда взялась Марина?..»	6
«Мелкий берег, осока, коряги...»	8
«Стоят, сполна всего помыкав...»	9
«Время, отмеряемое дорогим ролексом...»	10
«вот идёт человек — голова на плечах...»	11
«Катят, и катят, и катят...»	12
Сапропель	13
«Он приносит дымарь...»	14
«это очень тонкая красная линия...»	15
«Большеротым птенцом, садоводом прожжённым...»	16
«След самолёта — ребристый...»	17
«Дачник мой август — тетрадь на столе...»	18
«Стоит октябрь, и небо многоoliko...»	19
«Есть города, которые меняют имена...»	20
«Девочки идут на лыжах...»	22
«она выдыхает слова и лишается жала...»	23
«самая клёвая барби в мире...»	24
«давно понятно: ей всё параллельно...»	25
«потерявшись в диковинных этих краях...»	26
«Городишко захолустный: винстон лайт да телик...»	27
«Спит твой Дубровский — стекло запотело...»	28
«Путь к реке такой скользкий...»	29
«Вот звенящие пчёлы, лоскут домотканого сада...»	30
«Точно воду, воздух пробую: неслышно, настороженно...»	31

Гимназический цикл	33
«Море, которое помнит, как было огнём...»	37
«В городе Богом данным, у самого синего Чёрного...»	38
«Как бы такую штуку на берегу проделать...»	39
«Печорин выходит на леса опушку...»	40
«На Остоженке пахнет ладаном...»	41
Сестрица Алёнушка говорит	42
Похищение Евы	44
«Эй, принцесса! Здесь такие пыльные дороги...»	49
«Кабы ветер северный детку не продул...»	51
«поезд, как пояс: удавочка узка...»	52
«Я пишу тебе, Герда, на серой треске...»	53

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придет конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Игорь Меламед «Воздаяние»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

дизайн серии и макет:

С. Труханов

редактор серии:

А. Переверзин

корректор:

О. Тузова

Формат 60x90/16

Тираж 500

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru